

Г. Ф. КОРЗУХИНА

О ПАМЯТНИКАХ „КОРСУНСКОГО ДЕЛА“ НА РУСИ

(По материалам медного литья)

Взаимоотношения между Киевом и Херсоном в период оформления древнерусского государства не раз привлекали к себе внимание русской исторической науки. Но история этих отношений в последующий период, и в частности в XI и XII вв., почти не исследовалась. Однако считалось как бы само собой разумеющимся, что и в этот период русско-херсонские связи были достаточно постоянными и широкими. Довольно распространенным, например, было мнение Н. П. Кондакова, утверждавшего, будто именно в эти столетия на Руси появилось значительное количество предметов «корсунского дела», якобы послуживших на долгое время непревзойденным образцом для русского искусства. Страстный поклонник византийского искусства, Н. П. Кондаков предлагал даже «ради точности» называть «всю вторую половину великокняжеского или домонгольского периода, т. е. как раз XI и XII столетия, периодом русско-византийского искусства»¹. В разъяснение данного предложения Н. П. Кондаков перечислил «важнейшие исторические стороны художественного влияния на Русь Византии», которые, по его мнению, наблюдаются в области архитектуры, монументальной живописи, мозаики, скульптуры, художественного ремесла и т. д.² При этом очень значительная роль отводилась именно Херсону. Отсюда на Русь, по мнению Н. П. Кондакова, ввозились водолеи, колокола, сосуды и прочая церковная утварь, а также «корсунские» складные кресты³. Уверенность Н. П. Кондакова в корсунском происхождении огромного количества памятников, найденных на территории древней Руси, была настолько велика, что ее не могли поколебать даже явно противоречащие этому факты. «В Херсонесе, — пишет он, — встречены также тельные кресты обычного корсунского типа складней с надписями славяно-русскими. находка их вызвала, конечно, обычное анекдотичное объяснение, что кресты эти должны были принадлежать русским, поселившимся в Корсун. Конечно, там были русские в составе населения, однако подобные находки говорят нам о другом факте, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза в Россию, но так как греков в XII—XIII вв. было мало, а русских много и торговля крестами с Русью шла шибко, то изделий для нее изготовлялось с излишком и иные оставались дома»⁴. Несостоятельность рассуждений Н. П. Кондакова в приведенной цитате совершенно очевидна.

¹ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 46.

² Там же, стр. 46—47.

³ Там же, стр. 42—43.

⁴ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 5. СПб., 1897, стр. 32.

Однако при всей убежденности в огромном значении Корсуни для культуры древней Руси Н. П. Кондаков не мог пройти мимо явных несоответствий между наименованием «корсунский», закрепившимся за некоторыми предметами, и их действительным происхождением. В качестве корсунских, писал он, «нам перечисляют множество древностей в Новгороде; но и Мстиславово евангелие и крест Антония, все это или царьградские произведения, или позднейшие». То же самое отмечает он в отношении корсунских икон, а также Корсунских врат Софийского собора в Новгороде, которые «получили такое название... или от своего архаизма или же по недоразумению»⁵. Целый ряд предметов, зачисленных также «по недоразумению» в разряд «корсунских», перечислен в работе А. И. Соболевского⁶. Одному из своих исследований по истории древнерусского искусства домонгольской поры Д. В. Айналов дал заманчивый подзаголовок: «Киев—Царьград—Херсонес»⁷. Однако о роли Корсуни в сложении культуры Киевской Руси в указанной работе нет ни слова. Речь идет в ней лишь о византийском, царьградском, влиянии на искусство Руси.

В настоящее время советские исследователи достаточно далеки от мысли, что все лучшие памятники русского искусства относятся к категории корсунских или возникли под влиянием византийского или тем более корсунского искусства. Историки русской архитектуры и живописи уже сбросили с себя оковы «корсунской зависимости». Сейчас, пожалуй, уже ни у кого не возникает сомнений в том, что архитектура и живопись древней Руси формировались не под воздействием Херсона.

Однако в области прикладного искусства «корсунский мираж» не изжит окончательно и сейчас. Отсутствие памятников, свидетельствующих о влиянии Херсона на культуру Киевской Руси X—XIII вв., обычно объясняется плохой изученностью материала. Еще живет уверенность, что если как следует взяться за разработку материалов под этим углом зрения, то мы, безусловно, обнаружим нити, связывающие культуру Киевской Руси с древней Корсунью.

Не имея возможности поднять полностью огромный, накопившийся за три четверти века материал из раскопок в Херсонесе и не меньший по объему русский материал домонгольской поры, я остановлюсь лишь на одной группе вещей и постараюсь выяснить степень зависимости входящих в нее памятников от искусства Херсона. Памятниками этими являются энколпионы, или складные кресты, за которыми особенно прочно укоренилось название «корсунских». Они широко представлены и в русском материале, и в материалах Херсона. Кроме того, мы вправе ожидать, что именно здесь корсунское влияние должно бы было проявиться наиболее отчетливо, поскольку предметы эти относятся к христианскому культу, принятие которого Русью связано с Херсоном.

* *
*

Энколпионы, или складные двустворчатые кресты, кроме своей основной функции, связанной с культом, выполняли также роль своеобразных предметов личного убора. Скульптурная, черневая и эмалевая декоративная

⁵ Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 45.

⁶ А. И. Соболевский. Два слова о «корсунских» предметах. Труды церковно-археологического общества. Новгород, 1914, стр. 59—66.

⁷ Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев—Царьград—Херсонес. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 57. Симферополь, 1920.

энколпионов превращала эти портативные мощехранительницы в нарядные украшения, пользовавшиеся широкой популярностью в XI—XIII вв. преимущественно у горожан. Носили энколпионы поверх одежды, о чем можно судить по скульптурному автопортрету мастера Авраама — сборщика Корсунских врат Новгородского Софийского собора⁸.

Энколпионы принадлежат к обширной группе изделий, за которой утвердилось наименование «памятников медного литья». Бесконечно разнообразные кресты и крестики-тельники, складни, иконки, змеевики, а также интересующие нас энколпионы, тысячи экземпляров которых хранятся в собраниях наших музеев, представляют материал, в силу ряда причин (повторные переливки, незначительное количество комплексов, содержащих энколпионы, и пр.) с большим трудом поддающийся изучению. Поэтому вопросы датировки медного литья и вопросы, связанные с их производством и происхождением, изучены еще очень слабо. Исследование, посвященное специально разработке принципов датировки медного литья, принадлежащее В. Н. Перетцу⁹, практически оказалось малополезным. Значительно более интересны наблюдения в отношении отдельных групп литья, в частности энколпионов, сделанные Б. А. Рыбаковым¹⁰ и В. И. Лесючевским¹¹. Но в основном энколпионы вошли в литературу в виде публикаций¹², снабженных лишь небольшими аннотациями, сделанными большей частью на невысоком уровне. Авторы их по-разному подходили к вопросу об определении места происхождения энколпионов. В своей обширной коллекции литья Б. И. Ханенко на многие десятки русских энколпионов насчитал привозных только два. Наоборот, Н. И. Петров из всей массы известных ему энколпионов смог выделить только один их тип, который он с уверенностью отнес к русским изделиям. В отношении же всех остальных он считал, что они «в необработанном или неоконченном виде могли быть привозимы в Россию из Византии или из Херсона и заканчивались на месте пришлыми или туземными мастерами»¹³. После находки в Киеве на усадьбе Петровского мастерской литейщика, в инструментарии которого были формочки для изготовления энколпионов¹⁴, стало, как указывает Б. А. Рыбаков, «легко доказать местное киевское изготовление крестов»¹⁵. Безусловно, в настоящее время ни у кого не возникает сомнений в том, что в Киевской Руси существовали свои крещатники. Однако все ли найденные на Руси

⁸ А. И. Анисимов. Автопортрет русского скульптора Авраама. Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1928, № 3, табл. II и VI.

⁹ В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. ИГАИМК, вып. 73, М.—Л., 1933. Имеется обширная библиография.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. УЗ МГУ, вып. 93, кн. 1, 1946, стр. 89—91; его же. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 262—263, 454—456 и 615—616.

¹¹ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. СА, т. VIII, М.—Л., 1946.

¹² Н. Леопардов и Н. Чернев. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках, вып. 1, Киев, 1890; вып. 2, Киев, 1891; вып. 3—4, Киев, 1891; серия вторая, вып. 1, Киев, 1891; вып. 2, Киев, 1893; Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1, Киев, 1899; вып. 2, 1900; Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. VIII—XI. М., 1908; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915.

¹³ Н. И. Петров. Ук. соч., стр. 29—30.

¹⁴ В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; Д. И. Багалея. Русская история, т. I. М., 1914, рис. 167 и 169.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 263.

энколпионы были изготовлены на месте или среди них имеются и привозные, в частности корсунские, — это до сих пор остается невыясненным.

А между тем в коллекциях медного литья, найденного на территории древней Руси, существует небольшая группа энколпионов, совершенно непохожих на все остальные. На некоторых из них изображения тщательно выполнены в низком рельефе (см. табл. II, 1), у других на створках гравированные фигуры в позе оранта (табл. I, 1) или орнаментальные мотивы. Человеческие фигуры крайне схематичны и орнаментальны — торс в виде круга, одежда испещрена узорами. Лица очень уродливы, руки — с утрированно длинными пальцами. Надписи греческие, часто с ошибками. Несмотря на отмеченный схематизм изображений, последние никак нельзя признать выполненными примитивно. Наоборот, в рисунке видна уверенность мастера, набившего себе руку на изображениях определенного характера. Находки энколпионов как того, так и другого из описанных типов на территории древней Руси единичны и не превышают двух десятков¹⁶. Зато за ее пределами они известны в огромном количестве. Они распространены прежде всего в Средиземноморье. Особенно много их в Сирии (табл. I, 2) и Египте, но известны находки их в Греции, в Северной Африке и Сицилии. Кроме того, их находят в Бельгии, Дании, Италии, Далмации, Болгарии, на Кавказе и в Крыму, в частности в Херсонесе (табл. I, 3).

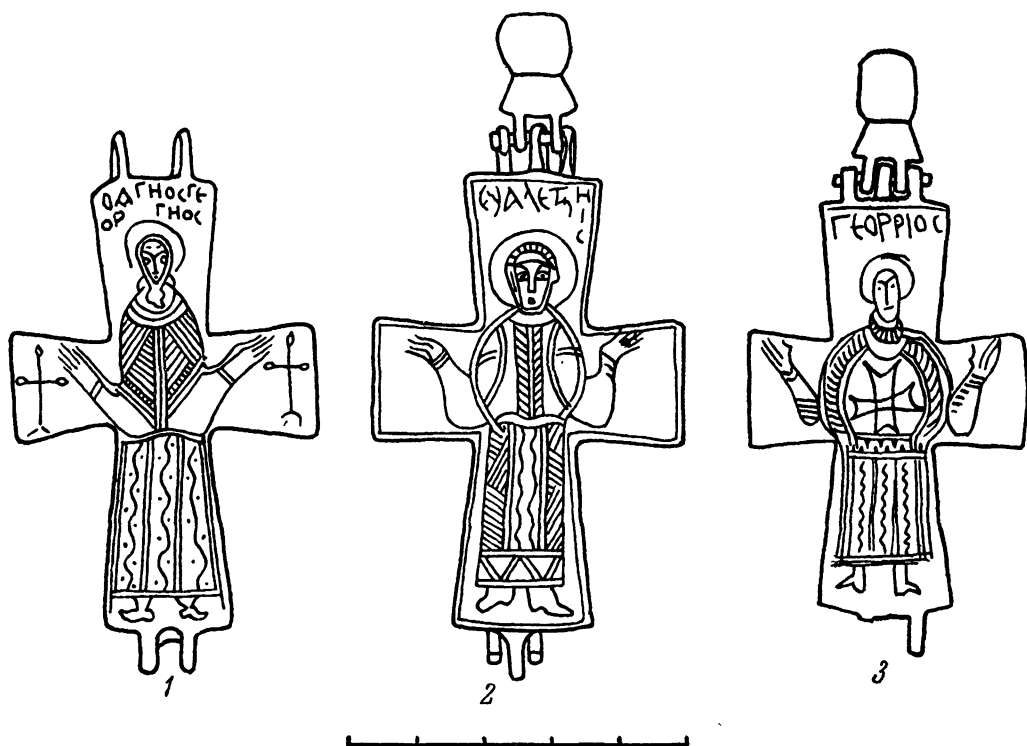
Существует мнение, что центром их производства была Сирия или Палестина, откуда паломники и торговцы разносили их во все концы христианского мира¹⁷. Мысль эта довольно правдоподобна. Топография находок, стилистические данные и характер начертания надписей не противоречат тому, что производство как рельефных, так и гравированных энколпионов было налажено где-то в восточных провинциях Византии. Судя по обилию находок, производство это было массовым. Время энколпионов отдельные исследователи определяют по-разному — от VI до XII в. Судя по комплексам, в которых найдены некоторые из них, полагаю, что время их изготовления следует искать ближе к XII, нежели к VI в.

Подавляющее большинство энколпионов, найденных в Херсонесе, относится к описанным типам. Следовательно, энколпионы указанных типов, найденные в Херсонесе, были не местного, а средиземноморского происхождения. Отсюда следует, что и аналогичные им энколпионы, найденные в древней Руси, корсунскими не были. Возможно, конечно, что на Русь эти кресты попали через Херсон, однако их ничтожное количество свидетельствовало бы о случайных, а не о систематических связях. Воздействие же их на древнерусское художественное ремесло можно было бы назвать «кормунским» лишь условно. Но не исключена возможность, что «сирийские» кресты попадали на Русь вообще совсем иными путями¹⁸.

¹⁶ Точный подсчет энколпионов крайне затруднен ввиду многочисленности и разбросанности коллекций медного литья по музеям Союза.

¹⁷ Wl. Bock. *Lettre au prince François de Lichtenstein au sujet d'une croix reliquaire byzantine*. St-Petersbourg, 1906; Н. П. Кондаков. *Иконография Богоматери*, т. I. СПб., 1914, стр. 258—259; Кр. Милчев. *Палестински крестове в България*. Годишник на народния музей за 1921 год, София, 1922; E. S. King. *The date and provenance of a bronze reliquary cross in the museo Cristiano Vaticano*. *Atti della Pontificia Accademia Romana di archeologia, Serie III. Memorie*, vol. II. Roma, 1928, p. 193—205, tab. XXIV—XXXI.

¹⁸ Попутно отметим один интересный факт: у киевского князя Святослава Давыдовича в конце XI в. был „лечец“, т. е. врач, „именем Петр родом Сурянин“, т. е. сириец. — Патерик Киево-Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 85 и 185.

Т а б л и ц а I. Э н к о л п и о н ы с и р и й с к и е, г р а в и р о в а н н ы е
 1 — д р е в н я я Р у с ь; 2 — С м и р н а; 3 — Х е р с о н е с

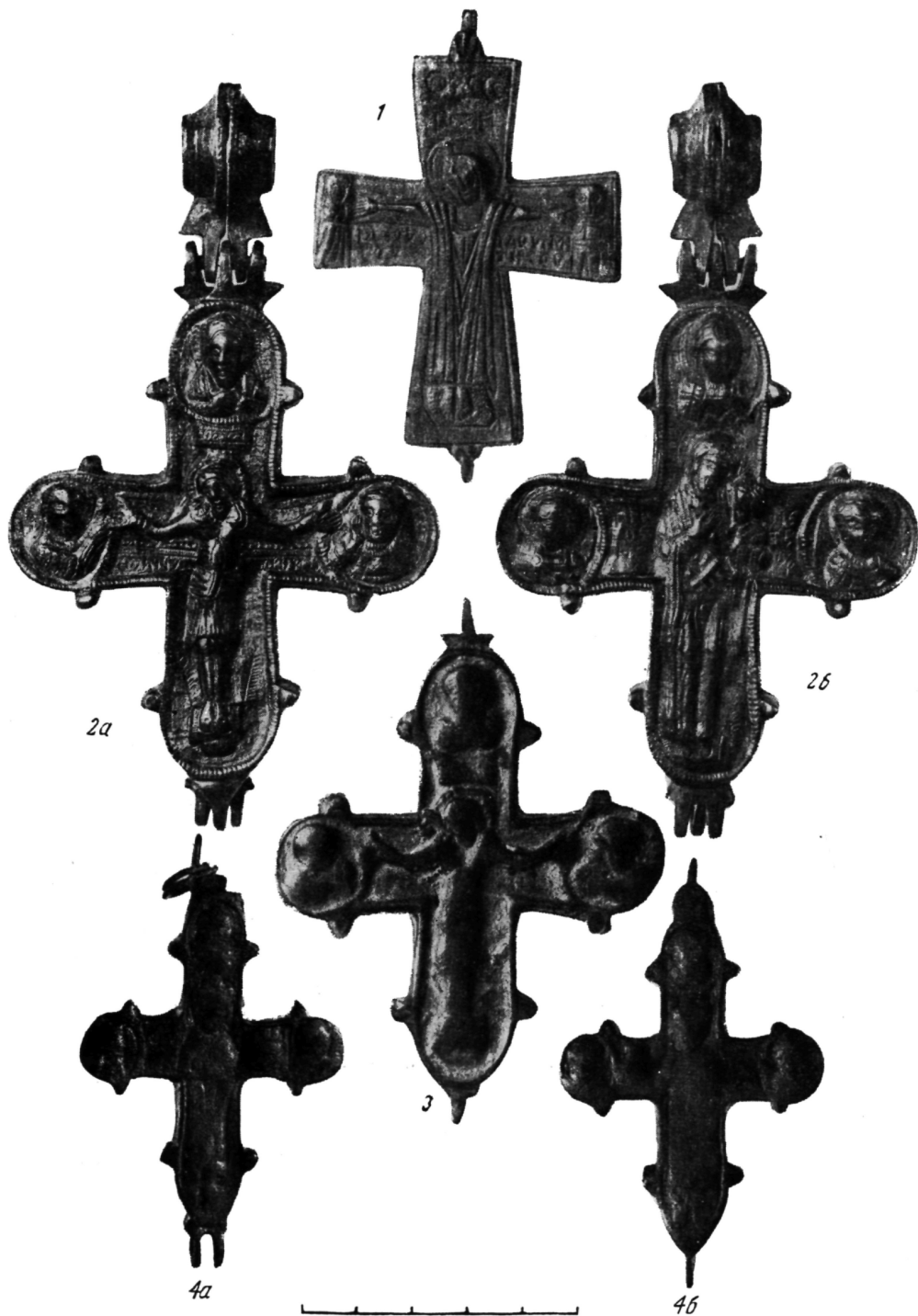

Таблица II. Херсонес

1 — анхон сирийский, рельефный; 2 а, б, 3 и 4 а, б — анхоны русские, рельефные, XII—XIII вв.

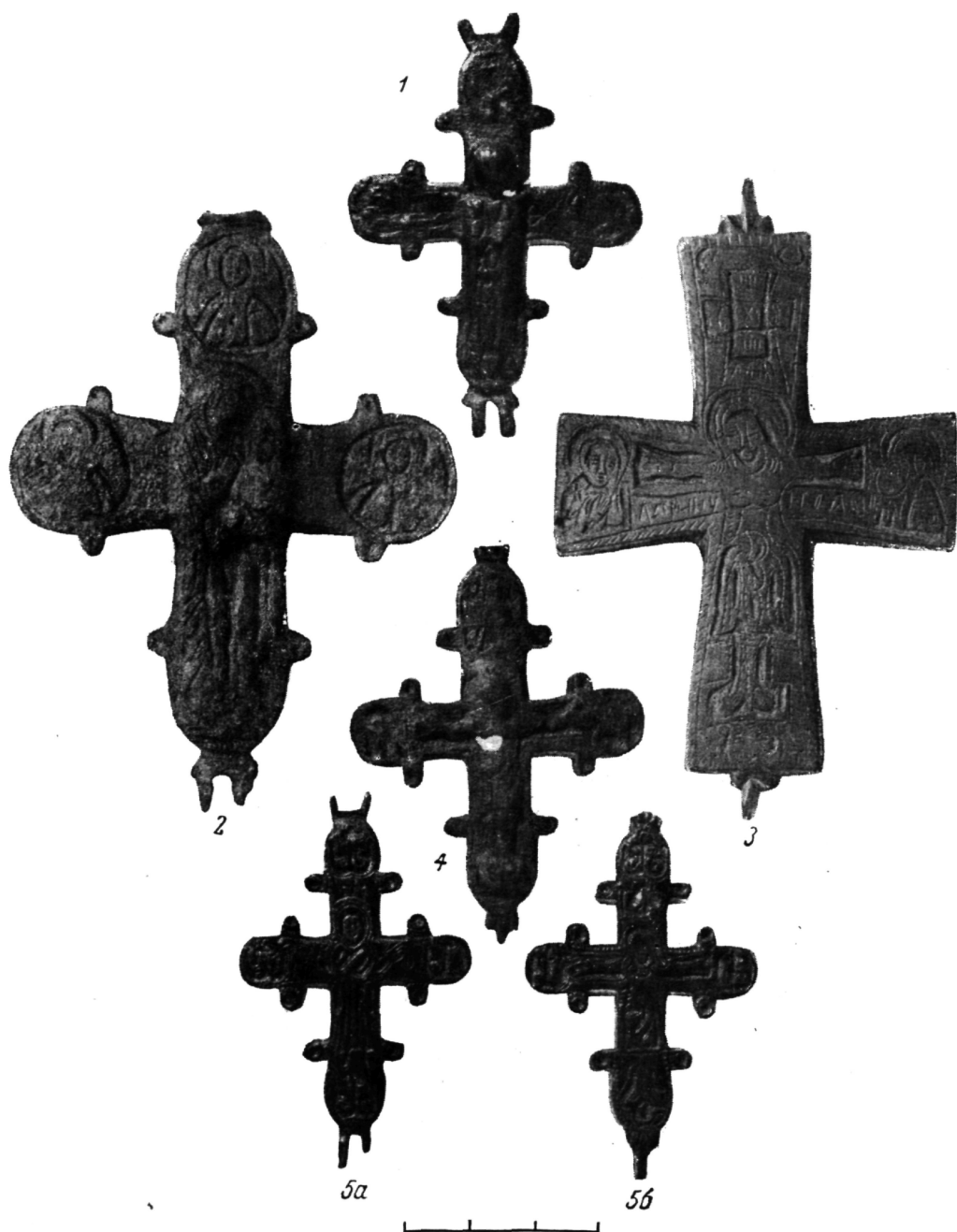

Таблица III. Херсонес. Энколпионы русские, XII в.
 1, 2 и 4 — рельефно-черневые; 3 и 5 а, б — черневые

Таблица IV. Херсонес

Русские крест (1) и ампулы (2 и 3 а, б), отлитые в каменных формах, конец XII—XIII в.

*
*
*

Находки энколпионов на территории древней Руси чрезвычайно многочисленны. В задачу, стоящую перед нами в данной статье, не входит рассмотрение вопросов, связанных с производством энколпионов на Руси в XI—XIII вв., а также их датировкой. Укажу лишь, что изучение древнерусского медного литья позволило установить интереснейшие подробности, связанные с широко налаженным производством энколпионов в середине XII в.¹⁹ В мастерской, которая находилась, скорее всего, в Киеве, судя по почеркам надписей на энколпионах, работало несколько мастеров, изготовлявших превосходные по своим художественным достоинствам бронзовые энколпионы с чернью и гравировкой. Мастерская просуществовала не одно десятилетие и выпустила огромное количество изделий, декорированных в единой манере независимо от размера и формы креста. Здесь были изготовлены и крупные, тяжелые энколпионы, и миниатюрные двустворчатые крестики—произведения почти ювелирного искусства, покрытые позолотой, на фоне которой синеватый отлив черни выглядит особенно эффектно.

При всем многообразии размеров, форм, сюжетов и приемов декорировки древнерусских энколпионов, все они укладываются в довольно стройную систему, поддающуюся хронологической детализации. Начав с рельефных изображений (XI—начало XII в.; табл. II, 2—4), русские художники-литейщики постепенно шли к уплощению и орнаментальности изображений. Сначала были убраны рельефные фигуры по концам креста (примерно во второй четверти XII в.; табл. III, 1, 2 и 4), затем и центральная рельефная фигура была заменена плоскостным изображением, выполненным чернью и гравировкой (середина XII—конец XII в.; табл. III, 3 и 5). С заменой недолговечных глиняных литейных форм каменными (конец XII—первая половина XIII в.), годными для массового выпуска продукции, появилось большое количество тождественных энколпионов, покрытых мелкими рельефными фигурами с литыми же обратными надписями (табл. IV, 2 и 3). Индивидуальная обработка креста, необходимая при гравировке и чернении изображений, отпала при этом полностью. Следует, однако, учитывать, что повторные отливки с ранних (XI в.) крестов с рельефными изображениями продолжали изготавливаться на протяжении всего домонгольского периода. Подлинных ранних крестов рубежа XI—XII вв. известно считанное количество экземпляров, подавляющее же большинство крестов с рельефными изображениями отлито в XII—XIII вв. в формы, оттиснутые с древних экземпляров. Поздние отливки отличаются меньшей отчетливостью изображений (табл. II, 3 и 4) и значительной подправкой их ре�цом. Известны, однако, и некоторые новые модели второй половины XII в. для крестов с рельефными изображениями (например, табл. II, 2).

Из этого беглого, конспективного изложения истории развития одной из отраслей древнерусского художественного ремесла—производства энколпионов, развития, перекликавшегося на всех своих этапах с другими областями русского искусства и в первую очередь ювелирного, видно, что производство энколпионов на Руси проделало сложный и длительный путь развития. Ничего похожего в данной отрасли художественного ремесла ни в Херсоне, ни вообще в Юго-Западном Крыму не наблюдается,

¹⁹ Подробно все вопросы, связанные с датировкой медного литья домонгольской Руси, рассматриваются автором в специальной работе, подготовленной им к печати.

поэтому ни о каких корсунских влияниях в этой области на русское художественное ремесло речи быть не может.

Таким образом, ни собственно корсунских крестов, ни крестов, выполненных на месте по образцам корсунских, в древней Руси не известно.

* *
*

Чем же можно все же объяснить, что, несмотря на связь с Херсоном в период принятия христианства, в дальнейшем, судя по разнообразным материалам, культурных связей между Корсунью и Русью не наблюдается? Думается, что причина отмеченного явления заключается в следующем. Разгром Херсона Владимиром Святославичем в конце X в. оказался, по-видимому, роковым для всей последующей истории города²⁰. Площадь города значительно сократилась, часть его надолго превратилась в пустырь и, несмотря на некоторое расширение территории, занятой жилыми кварталами несколько позднее, она никогда уж не достигала прежних размеров. Значение Херсона как крупного культурного центра в X в. было подорвано.

Одновременно на Среднем Днепре росло и крепло молодое Киевское государство. Быстро развивалось ремесло и росли города. С принятием христианства, однако, появились такие нужды, которые не могли быть удовлетворены своими силами. Чеканка монеты, изготовление печатей, книжное дело, каменное строительство, стекольно-мозаичное искусство требовали новых навыков. Часть новых потребностей была покрыта на первых порах самым примитивным способом — за счет трофеев. Из Херсона в Киев были доставлены церковная утварь, иконы, готовые архитектурные детали из мрамора — капители и колонны, мраморные саркофаги, бронзовые конные статуи и многое другое. Одновременно в Киеве появились греческие строители.

Греческие чеканщики и специалисты по печатям обучили русских мастеров чеканить монету и изготавливать матрицы для печатей, отчего первые русские монеты и печати были так похожи на византийские. Очень скоро на Руси выросли свои строительные кадры, и русские резчики стали изготавливать архитектурные детали и княжеские саркофаги на месте и из местных пород камня. Но первыми учителями их как в каменном строительстве, так и во многих других вновь появившихся областях были не херсонские мастера. В XI—XII вв. не сожженный Херсон, который долго не мог оправиться после разорения, был источником, из которого черпали свое вдохновение русские художники и мастера. Не случайно Херсон совершенно исчезает со страниц русских летописей с конца X в. Лишь один раз за весь домонгольский период, в 1066 г., летописец упоминает о нем в связи с отравлением князя Мстислава Тмутараканского и бурной реакцией херсонцев на это событие. Значительно позже — в XVI в. — летописец в Твери, «преписывая писания Георгиева», сравнивает разрушение русских городов «от многих пленений татарских» с разрушением Корсуни князем Владимиром^{21—22}. Других ассоциаций в связи с упоминанием Херсона у летописца не возникло. По-видимому, образом, к которому обращались в случае необходимости, было в первую очередь искусство собственно Византии, Царьграда, но не Херсона.

²⁰ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 13—15.

^{21—22} Тверская летопись, 6496 (988) г.

Оклад Мстислава Евангелия, «цену которого один бог ведал», княжеский тиун Наслав, по поручению Мстислава, желавшего «учинить химирет», т. е. украсить его перегородчатой эмалью, возил не в Херсон, а в Царьград. Когда же Херсон экономически несколько окреп, культура Киевской Руси была уже вполне сложившейся, а государство уже имело налаженные связи со многими странами. Херсон же, не прежний крупнейший центр на Черном море, а город, клонящийся к упадку, в смысле культурном не представлял для Руси особого интереса. Я не касаюсь здесь вопроса о возможных чисто экономических связях с Крымом в XI—XIII вв., в частности об экспорте в Херсон традиционных русских товаров — воска, меда, пеньки и пр. — и о получении взамен их вина, пряностей и пр.

В данном случае нас интересуют лишь чисто культурные взаимоотношения Корсуни и древней Руси. Изучение памятников древнерусского зодчества и живописи, а также памятников древнерусского медного литья XI—XIII вв., которые в течение долгого времени служили одним из главных доказательств художественного и идеологического воздействия Херсона на древнюю Русь, приводит к выводу, что говорить о таком воздействии вряд ли имеются основания.

* *
*

При отсутствии памятников «корсунского дела» на Руси, раскопками в Херсонесе в разные годы обнаружены русские вещи, в частности энколпионы. В настоящее время можно указать 12 энколпионов и один крестный или осеняльный крест, найденные в Херсонесе. Среди энколпионов имеются поздние экземпляры с рельефными изображениями XII—XIII вв. (табл. II, 2—4), с рельефно-черневой декорровкой второй четверти XII в. (табл. III, 1, 2 и 4) и с чисто черневой декорровкой середины—конца XII в. (табл. III, 3 и 5), а также наиболее поздние модели энколпионов с мелкими рельефными фигурами, отлитые в каменные формы, конца XII—начала XIII в. (табл. IV, 2 и 3). Все находки связаны с средневековыми слоями. Один из энколпионов найден в церкви-усыпальнице в гробнице со множеством костяков, лежавших в беспорядке (табл. II, 3)²³, другие — в жилищах (табл. IV, 2)²⁴, третьи — просто в культурном слое (табл. II, 2 и 4; III, 1—5; IV, 3)²⁵. Если все найденные в Херсонесе энколпионы по своим типам не представляют редкости и известны по многочисленным подобным же экземплярам, то медный крестный крест представляет значительный интерес, поскольку подобные кресты домонгольской поры известны не были (табл. IV, 1). Только благодаря данной находке стали понятными два небольших фрагмента

²³ ОАК за 1899 г., стр. 13, собр. Эрмитажа.

²⁴ Два энколпиона и крестный крест, раскопки 1940 г. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 35, рис. 2, а—в; Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 137—138, рис. 29, 30. Один из двух энколпионов, найденных в помещении 1, ошибочно отнесен к греческим. Изображение его здесь не воспроизводится. Крест принадлежит к типу энколпионов с рельефными изображениями (ср. табл. II, 3). Находки, аналогичные ему, указаны А. Л. Якобсоном, МИА, № 34, стр. 138, примеч. 4.

²⁵ Девять энколпионов: 1-й и 2-й — 90-е годы, Н. П. Кондаков. Русские клады, рис. 26 и 27, собр. ГРМ; 3-й — 1902 г., акрополь, ИАК, вып. 9, стр. 54—55, рис. 33, собр. Эрмитажа; 4-й и 5-й — 1903 г., акрополь, ИАК, вып. 16, стр. 79, собр. Эрмитажа; 6-й — 1903 г., акрополь, там же, рис. 36, собр. Эрмитажа; 7-й и 8-й — 1904 г. (?), собр. Эрмитажа. Один из энколпионов, аналогичный табл. IV, 2 и 3, здесь не воспроизводится; 9-й — собр. Эрмитажа.

подобных же крестов из Поднепровья²⁶, отлитых в той же форме, что и херсонесский крест 1940 г. О том, что форма была каменной, свидетельствуют обратные надписи на кресте. Ряд иконографических черт, появляющихся в медном литье сравнительно поздно (плачущие ангелы, «уготованный престол», голгофа), заставляют отнести крест к сравнительно позднему времени — к первой половине XIII в.

Энколпионы — не единственный вид русских памятников, попадающих при раскопках в Херсонесе. Среди них можно назвать керамику, шиферные пряслица, клад серебряных гривен новгородского типа, на которые указывает А. Л. Якобсон²⁷.

Чем же можно объяснить присутствие русских вещей в материалах Херсона? О русской прослойке в составе населения средневековой Корсуни уже писалось²⁸. Но было бы интересно выяснить время и причины появления русских в Херсоне. К сожалению, данных для этого пока еще очень мало. Тем не менее на некоторые факты хотелось бы обратить внимание.

Квартал XVII, в котором расположены усадьбы I и II, содержащие русский материал, возник на месте, где до этого помещались гончарные печи. А. Л. Якобсон датирует их XI—XII вв.²⁹ Следовательно, построенные над печами жилища относятся к более позднему времени, примерно к XIII в. Найденные в жилищах энколпионы и крест датируются этим же временем — концом XII—XIII в. Следовательно, русские, построившие свои усадьбы, поселились здесь не ранее XIII в. По мнению А. Л. Якобсона, керамические печи XI—XII вв. были сооружены в свое время на окраине городских кварталов³⁰. По-видимому, в XIII в. город продвинулся на эти окраины, и появившиеся здесь русские строились на вновь осваиваемых территориях.

Интересна также топография находок русских энколпионов за пределами Среднего Поднепровья — основной территории их распространения. Не считая нескольких находок их в русских городах (Галич, Владимир-Волынский, Гродно, Псков), русские энколпионы известны, во-первых, в низовьях Дона, в Поволжье и на Северном Кавказе, во-вторых — в Болгарии и Чехии и, в-третьих — в Крыму (Алушта, Планерское, Судак, Мангуп и Херсонес). Относительно причин появления энколпионов на Дону, в Поволжье и на Северном Кавказе интересные соображения высказал Б. А. Рыбаков. По мнению Б. А. Рыбакова, энколпионы были занесены сюда — в районы летних кочеваний монголов — русскими пленниками³¹. Среди этих находок преобладают наиболее поздние типы энколпионов, отлитые в каменных формах. Вопрос о находках в Болгарии, Чехии и в Крыму решить труднее. Среди найденных здесь энколпионов имеются экземпляры как XIII, так и XII в. Условия находки их, за исключением херсонесских крестов с усадеб I и II в квартале XVII, не известны. Возможно, что все эти энколпионы попали на юг и на запад еще до монголь-

²⁶ Один из них найден на Княжей Горе. Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898, стр. 11, № 77 и таблица.

²⁷ См. в настоящем томе статью: А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей. Следует также обратить внимание на довольно частые находки в Херсонесе цилиндрических железных замков, широко распространенных в древней Руси XII—XIII вв. Без тщательного сопоставления тех и других говорить о русском происхождении цилиндрических херсонесских замков преждевременно, однако в дальнейшем на этот вид памятников следовало бы обратить внимание.

²⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 1950, № 17, стр. 35.

²⁹ Там же, стр. 153 сл.

³⁰ А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 131.

³¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 455; его же. Сбыт продукции русских ремесленников. УЗ МГУ, вып. 93, кн. 1, 1946, стр. 91.

ского завоевания, но следует подумать, не связаны ли и они с монгольским нашествием, с бегством некоторой части населения из разоренного Поднепровья, где монголы продолжали свирепствовать и после 1240 г., в районы, менее пострадавшие от полчищ Батая. Интересна в этом отношении находка русского энколпиона XIII в., отлитого в каменной форме, близ Днепропетровска. т. е. на полпути из Киевской Руси к Черному морю. Занятие Крымского полуострова монголами прошло менее болезненно, чем захват русских земель. По археологическим материалам видно, что в 40-х годах XIII в. Херсону не было нанесено сколько-нибудь заметного удара. Разорение его монголами произошло значительно позже — в 1299 г., когда, по мнению А. Л. Якобсона, по-видимому, и погибли усадьбы I и II в квартале XVII.

* *
*

Несколько слов хочется сказать о том, почему при отсутствии каких-либо данных о корсунском влиянии на культуру древней Руси все же существует большое количество предметов, за которыми прочно укоренилось наименование «корсунских». Думается, что «корсунским миражем» мы в большой степени обязаны духовенству, и при этом духовенству очень давней поры. Церковная утварь и другие предметы христианского культа, впервые появившиеся на Руси в конце X в., были привезены Владимиром из Корсуни и отданы в Десятинную церковь. Из Корсуни же были вывезены и первые церковнослужители во главе с Анастасом Корсунянином³². Корсунскому духовенству был отдан «за святою Богородицею над горою двор теремный, бе бо ту терем камен», называвшийся, согласно летописи, «двором деместиков»³³. Кроме того, Десятинной церкви «на вечные времена» была дана десятая часть всех государственных доходов. Особое положение, которое занимали Десятинная церковь и ее духовенство, сохранилось и тогда, когда митрополией стал Киевский Софийский собор. Если верно, что именно в среде духовенства Десятинной церкви была в конце XI в. создана «Корсунская легенда»³⁴, то можно себе представить, как крепко держались в этом своеобразном «государстве в государстве» корсунские настроения, как ценилось и пропагандировалось здесь все корсунское. Старые, пришедшие в ветхость корсунские вещи заменялись местными русскими изделиями, но на них переходило старое наименование. Очевидно, и другие крупные соборы и монастыри стремились приобрести корсунскую утварь. Не все, однако, были разборчивы при пополнении своих ризниц «корсунскими» вещами, особенно на далеком севере. Так создалась довольно значительная группа предметов церковного обихода, за которыми закрепилось наименование вещей «корсунского дела». С появлением интереса к русскому прошлому, к его искусству и культуре, к русской иконе, книге и торевтике, любители древностей старательно увеличивали данную группу за счет отнесения к ней тех или иных памятников. Более серьезными исследованиями начала XX в. «корсунское» происхождение многих из них было развенчано.

³² Лавр. лет., 6497 (989) г.

³³ Лавр. лет., 6433 (945) г. Очень может быть, что „терем камен“ на дворе деместиков был открыт в 1907 г. В. В. Хвойко на усадьбе Петровского. Остатки каменного здания были раскопаны им на краю горы к востоку от апсид Десятинной церкви, т. е. „за святою Богородицею над горою“. В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 66—69.

³⁴ А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому, ч. II. СПб., 1908, стр. 1136.